землю многими сѣменами. Не будь лепестковъ, мотыльковъ и цвѣточнаго благовонія, многія правды, скрытыя въ сѣменахъ, не скрѣпили бы землю родины нашей идейнымъ корнемъ. Въ отрицаніи средствъ художественной изобразительности часто сказывается только узкая близорукость.

Въ безыдейныхъ мотылькахъ и цвѣткахъ толстовскаго творчества заключены потенціалы нравственныхъ и религіозныхъ идей, многообразно осознаваемыхъ. А въ толстовскихъ проповѣдяхъ— сухой и далеко не полный лишь перечень все тѣхъ же идей: этотъ сухой и неполный перечень у поклонниковъ проповѣднической дѣятельности Толстого принимаетъ отталкивающую форму каталога. Самъ Толстой достаточно защищенъ отъ толстовства хотя бы своимъ *„Кругомъ“*. *„Кругъ Чтенія“* Толстого въ этомъ смыслѣ не только *геометрическая фигура*, но и *кругъ щита*, образованнаго молчаніемъ Толстого тамъ, гдѣ толстовство сотрясало основы стараго міра краснорѣчивой своей, но пустой.... болтовней.

Мы коснулись двухъ сторонъ дѣятельности великаго русскаго писателя, двухъ половинъ его раздвоенной души: это раздвоеніе является и вовсе разорванностью въ двухъ, взаимно враждебныхъ, станахъ поклонниковъ его личности.

Одинъ станъ утверждаетъ значеніе Толстого-художника, — но Толстой не только художникъ. Другой станъ утверждаетъ проповѣдника Толстого; но и этотъ станъ по существу не правъ: Толстой не только проповѣдникъ.

Ни проповѣдникъ, ни художникъ... Кто же Толстой?

Онъ или ни то, ни другое, или то и другое вмѣстѣ. Въ первомъ случаѣ творческое безсиліе, являющееся результатомъ слабости воли, обезцѣниваетъ смыслъ всей дѣятельности Толстого. И *великій* Толстой только... *великій неудачникъ*. Во второмъ случаѣ Толстой—явленіе небывалое въ новой исторіи, ибо онъ нарушаетъ всѣ градаціи цѣнностей; между тѣмъ лишь въ этихъ опредѣленныхъ предѣлахъ та или иная дѣятельность человѣка имѣетъ смыслъ.

Если бы явились безумцы, отрицающіе огульно великое значеніе Льва Толстого въ исторіи развитія нашего общества, общество это отвѣтило бы презрительнымъ молчаніемъ по ихъ адресу. А между тѣмъ въ этомъ презрѣніи сказалась бы несправедливость. Отрицать смыслъ всей дѣятельности Толстого они имѣли бы нѣкоторое реальное право.